

также были интересны русскому читателю как образцы европейской «нравственной» или «практической» философии. Даже предаваясь абстрактным, «общечеловеческим» рассуждениям о добродетели и пороке, автор книги не упускал случая сказать политические колкости, как например заметить вскользь, что добродетели «теряются весьма скоро при дворе государей» («Сокращение философии», стр. 172).

Самыми острыми и важными в русских условиях были главы книги, посвященные вопросам политическим. Тредиаковский бесспорно рассчитывал на политически актуальное переосмысление некоторых наставлений Бэкона, дополненных французскими энциклопедистами. Такое перетолкование было в обычаях времени. Писатели XVIII века приучили своих читателей быть догадливыми и не ждать подробных объяснений там, где автор мог пользоваться лишь иносказаниями, скрытыми «применениями». Это не значит, конечно, что за каждой строчкой перевода Тредиаковского обязательно нужно искать русские параллели, намеки на современность. И, однако, бесспорно, что только тогда мы сможем понять реальное значение перевода Тредиаковского для его современников, когда представим себе ясно то отношение к разнородным фактам общественной жизни, тот каждодневный политический и бытовой опыт, с каким воспринимали книгу о Бэконе ее первые русские читатели.

Настойчивое противопоставление в «Житии» Бэкона деятельной, мудрой и нетщеславной Елизаветы английской беспутному и жестокому Якову должно было рождать у русского читателя известные ассоциации. При сходстве имен особенно двусмысленно звучал «Опыт о королеве Елизавете» Бэкона, переведенный Тредиаковским. У русской царицы напрасно было бы искать те качества просвещенного властителя — слуги нации, какого рисовал в Елизавете английской ее доброжелательный и лукавый историк. Очень кстати в русском издании пришлось примечание к «Опыту» французского переводчика: «Ежели начертания сии произведены удивлением, то они стоят высшия цены нежели оные благодарственные похвалы, единственная и последняя дань, получаемая королями по смерти. Но буде сия речь произнесена в собрании градоначальствующих правителей или мужей ученых; то не можно быть опоручению в том, чтобы в ней не было ласкательства» («Житие», стр. 131).

С последним предупреждением хвалебные речи Бэкона получали в русском переводе отчетливое значение «урока» Елизавете Петровне, а не льстивой параллели. Русскую царицу и ее окружение скорее можно было узнать в описании царствования Якова, при котором в Англии, «чтоб услужить отечеству, стране и государю, в каком бы кто звании ни был, то надобно было сделать себя при-